

На свете существует такая разновидность гнева, которая лишь разгорается от того, что ты о ней думаешь.

Многие после дневных ссор, когда наступает ночная тишина, начинают мысленно прокручивать всё заново. Девяносто девять процентов людей приходят к выводу, что выступили недостаточно убедительно, и от этой мысли злятся ещё сильнее.

Кто-то составляет черновики для следующего раунда словесной баталии, а кто-то выплескивает всё накопленное, бесконечно жалуясь друзьям и близким.

Сегодняшний Шэнь Цинчуань явно был раздосадован тем, что днём проявил недостаточно решимости и властности, поэтому ему хотелось найти кого-нибудь, чтобы поворчать.

[Сянь-Сянь: (гифка с выглядывающим котиком)]

[Сянь-Сянь: Старина Гу, ты ещё не закончил работать?]

С тех пор как он завёл дружбу с Гу Чаоцэ — таким воплощением образа «властного генерального директора» — Шэнь Цинчуань осознал, до какой степени человек может быть занят. Часто, когда они созванивались в одиннадцать или двенадцать ночи, Гу Чаоцэ либо сидел в кабинете, либо был всё ещё в офисе.

Шэнь Цинчуань всерьёз опасался за линию роста волос своего друга и уже неоднократно намекал ему на это.

[Суй-Суй: Я не работаю, сегодня же суббота.]

Гу Чаоцэ всё распланировал: забрать его в полдень, пообедать, провести вместе вторую половину дня, а там и ужин — идеально!

Шэнь Цинчуань взглянул на часы — уже за одиннадцать. Казалось, они почти ни о чём не поговорили, а пролетел целый час.

— Тогда до завтра. Ложись пораньше, береги свою причёску.

[Сянь-Сянь: Может, созвонимся голосовыми?]

И Шэнь Цинчуань, словно рассыпая горох, выложил всё, что накопилось: пожаловался на всех — от второго режиссёра до исполнителя главной роли, хотя имён не называл и ничего не приукрашивал.

Впрочем, это уже другая история.

— Это мне не мешает, ты же знаешь мой график. Как прошёл день? Фотографии с примерки образа получились великолепными. Съёмки прошли гладко? — расспрашивал Гу Чаоцэ о его делах.

— Разве это не стоит того, чтобы злиться?! — Гу Чаоцэ непривычно резко ответил Шэнь Цинчуаню.

— Для меня они — пустое место, только и могут, что языком чесать. Это им стоит злиться сильнее, чем мне! Да я их за грош не ставлю! Ой, как грубо, хе-хе-хе.

Шэнь Цинчуань решил ковать железо, пока горячо:

— Прости, что так поздно расстроил тебя своим нытьём. Завтра угощу тебя ужином в качестве извинения.

Гу Чаоцэ, услышав это, понял: что-то случилось. Неужели кто-то посмел обидеть Шэнь Цинчуаня? Поэтому он нарочито подавленным тоном произнёс:

— Неужели ты не можешь рассказать мне? Я просто волнуюсь из-за того, что ты не в духе.

Благодаря шуткам и подколам Шэнь Цинчуаня, напряжение Гу Чаоцэ заметно спало.

Войдя в отдельный кабинет, Шэнь Цинчуань полностью переложил выбор блюд на плечи Гу Чаоцэ, решив самоустраниться. Сегодня он хотел расслабиться по полной программе: раз уж рядом старина Гу, незачем утруждать себя хоть какими-то раздумьями.

Под предлогом того, что он помогает другу отвлечься от гнетущей рабочей атмосферы, он решил, что созерцание прекрасного обязательно поднимет настроение.

Блюда начали подавать одно за другим. Всё выглядело изумительно, а особенно десерт — нежный молочный пудинг, холодный, тающий во рту, с густым сливочным ароматом, который удостоился высшей оценки в мире сладостей.

Шэнь Цинчуань даже показал на камеру, как он «обнимает и похлопывает» друга, утешая старину Гу.

— Да ладно, забей. Не будем об этом. Что ты ел на ужин? — Шэнь Цинчуань собирался было продолжить жаловаться, но вдруг вспомнил, что старина Гу тоже проработал весь день и, должно быть, очень устал.

— Эй-эй, старина Гу, я тебя не отвлекаю от отдыха? — Шэнь Цинчуань не то чтобы сильно волновался, просто спросил ради приличия.

«Ленивая рыбка SQС» удалил сообщение.

[Сянь-Сянь: Настоящие друзья не боятся видеозвонков (гифка с жестом «смотри и учись»)]

[Суй-Суй: (гифка с бедным котиком)]

! СВИДАНИЕ !

Гу Чаоцэ был в тайном восторге, хотя внешне оставался невозмутимым:

— Если у тебя случились неприятности, это я должен тебя угощать. Знаю одно отличное заведение с домашней кухней, заеду за тобой в одиннадцать утра?

Однако для Гу Чаоцэ даже услышанного было достаточно, чтобы внутри него вскипела ярость. Как они посмели говорить такие гадости Сянь-Сянь?! Просто жить надоело!

Гу Чаоцэ с трудом подавил приступ агрессии, его лицо даже окаменело от сдерживаемого гнева.

— Старина Гу! Старина Гу! Я же говорил, что не буду рассказывать, а ты заставил, — Шэнь Цинчуань, заметив, что с тем творится что-то неладное, поспешил успокоить его: — Смотри, ты злишься даже больше меня.

После обеда Гу Чаоцэ повёл его в зону отдыха, а в два часа они отправились на выставку картин.

— Угу, хорошо.

Следующий день был полон радости. У Гу Чаоцэ не было никакого опыта в свиданиях, но он основательно подготовился. В одиннадцать часов он забрал Шэнь Цинчуаня и повёз его в тот самый ресторан.

Это была частная галерея — то, о чём они недавно говорили. Гу Чаоцэ запомнил, что Шэнь Цинчуань упоминал своего любимого художника.

[Сянь-Сянь: Ого, ты даже научился пользоваться стикерами (гифка с аплодирующей лисой и тюленем)]

Гу Чаоцэ наблюдал за тем, как Сянь-Сянь переключился с голосового чата на видео, и уголки его губ поползли вверх — настроение у него было великолепное.

Как только видеосвязь установилась, в камеру заглянуло нежное личико. У Шэнь Цинчуаня горел только ночник, было темновато, а фильтры телефона сделали картинку чуть размытой, из-за чего Гу Чаоцэ на мгновение показалось, что он видит сон.

[Суй-Суй: Поработал.]

Шэнь Цинчуань давно хотел попасть на эту выставку, но она была закрытой, по приглашениям, и он никак не мог достать пропуск. Гу Чаоцэ решил вопрос одним телефонным звонком, не без помощи своего «маленького папы» Линь Яня.

— Старина Гу! Огромное спасибо! Я так тронут! Ты действительно помнишь, что мне нравится этот художник! — Шэнь Цинчуань был в восторге. Нет ничего более трогательного, чем

дружба, где оба идут навстречу друг другу!

— Пустяки, просто у старших в семье нашлось приглашение, а у них самих не было времени прийти, — небрежно ответил Гу Чаоцэ.

Он и не подозревал, что в это время бездельничавший дома Линь Янь разразился приступом чихания. Кто же это его вспоминает?

— Апчхи! Апчхи!

Тан Цзюэ поспешно подсел к нему и приложил руку ко лбу:

— Малыш, что такое?

Линь Янь потянул его за руку, сжимая в ладони:

— Всё в порядке. Интересно, как там дела у Чаоцэ?

Тан Цзюэ придвинулся ещё ближе и с любопытством спросил:

— Он ведь просто попросил у тебя приглашение на выставку, ты уверен, что что-то происходит?

Линь Янь загадочно улыбнулся:

— Ты всё ещё не понимаешь собственного сына? Кто может заставить его так волноваться?

— Это верно.

Тан Цзюэ вошёл во вкус и уже хотел было проследить за ними, но был строго остановлен своим возлюбленным:

— Не вздумай лезть и создавать беспорядок! Чаоцэ так трудно найти того, кто ему по душе. Я уж было боялся, что он так и останется одиноким на всю жизнь.

Тан Цзюэ подумал — и правда, решил подавить любопытство и успокоил супруга:

— Ладно-ладно, слушаюсь. Всё из-за моего старшего брата, если бы в детстве Чаоцэ...

Линь Янь рассердился:

— Даже не вздумай упоминать его снова!

Тан Цзюэ поспешно «застегнул рот» на молнию:

— Понял!

На выставке Шэнь Цинчуань воодушевленно рассуждал об искусстве китайской живописи, о мастерстве художников, об их стиле и характере, не замечая, что Гу Чаоцэ напрягся, а его голос слегка охрип.

Эту выставку организовал Ли Байсу — популярный в стране авангардный художник. Работ было немного, вход строго для своих — для обмена опытом и общения в профессиональной среде.

Шэнь Цинчуань, погружённый в свои эмоции, без умолку болтал, не в силах сдержать восторг, хотя в залах и нельзя было шуметь.

Они обошли всю выставку за полчаса.

Остановившись перед картиной с изображением резвого скакуна в пустыне, Шэнь Цинчуань внезапно обернулся к Гу Чаоцэ:

— Старина Гу, ну как? Какая из работ господина Ли тебе понравилась больше всего?

Гу Чаоцэ: «?! Откуда взялся этот тест в конце урока?!»

На лбу выступили капельки пота, он указал на картину перед собой:

— Мне больше всего нравится эта, она такая величественная.

Шэнь Цинчуань замер, уголки его губ дёрнулись, он едва сдерживал смех, бросив взгляд на Гу Чаоцэ, а потом на табличку под картиной:

[Работа господина Чжан Чанхая, специальный гость, учитель господина Ли Байсу.]

Гу Чаоцэ проследил за его взглядом: «...»

Шэнь Цинчуань впервые видел старину Гу в таком замешательстве. Еле сдерживая бурю смеха, он сделал серьёзное лицо:

— Если тебе не нравится, зачем же заставлять себя? Если нам не о чем поговорить, в следующий раз не пойдём!

Эти вопросы сбили Гу Чаоцэ с толку, внутри всё сжалось от паники, словно кто-то схватил его за сердце. Но внешне он стал ещё холоднее.

Он протянул руку и крепко сжал плечо Шэнь Цинчуаня, собираясь что-то объяснить.

И тут настроение Шэнь Цинчуаня совершило крутой поворот, он весело добавил:

— В следующий раз мы можем вместе пойти на обед, в кино или на горячие источники! Обязательно найдём то, что понравится нам обоим!

— Когда хорошо всем — это действительно хорошо! — лисьи глазки-щелочки снова вошли в игру, лишив Гу Чаоцэ последних сил к сопротивлению.

Гу Чаоцэ, не выражая никаких эмоций, смотрел прямо на него, едва не тоня в этом тёплом и хитром взгляде.

Шэнь Цинчуань остался недоволен: ты даёшь ему шанс, а он никакой реакции! Он похлопал Гу

Чаоцэ по руке:

— Ты посмотри на свою физиономию, чего ты злишься? Мне же больно, ты слишком сильно сжал!

Гу Чаоцэ беспомощно отпустил этого хитрого лисёнка, который любил подшучивать, но был таким несправедливым. Эти эмоциональные качели заставляли его желать лишь одного: крепко прижать этого лисёнка к себе и как следует затискать, ведь он так легко выводит его из равновесия.

— Я не злился, я боялся, что ты решишь, что я скучный человек.

— И скажешь, что не злился? Ты же был вот такой: ㄣㄣㄣ! — Шэнь Цинчуань начал изображать его с преувеличенной мимикой.

— Тогда прошу прощения, просто у меня такое лицо, — с лёгкой улыбкой произнёс он, не особо извиняясь, и добавил, что Сянь-Сянь очень милый.

— Эй! Ещё и споришь! Не буду я тебя ужинать приглашать!

— Тогда я приглашу тебя.

— ...

Ужин всё-таки оплатил Шэнь Цинчуань — долг платежом красен.

Он открыл приложение с отзывами, долго выбирал, уточнил, есть ли у Гу Чаоцэ аллергии, и решил повести его в свою любимую шашлычную: там весело, мясо свежее, и обстановка идеально подходит для общения.

— Пойдём сюда, я часто тут бываю, точно не прогадаешь!

— Как скажешь. Я не так уж часто ел шашлыки, попробую.

— Да ладно! Как же так, друзья должны ходить вместе на шашлыки!

— У меня не так много дружеских посиделок, — грустно сказал Гу Чаоцэ.

«Друзья» в это время обиженно думали: «Вот же наглец! Он ни разу не пришёл, хотя мы звали его сто раз!»

Шэнь Цинчуань почувствовал прилив жалости: старина Гу выглядит холодным, но на самом деле он такой замечательный, так легко с ним общаться, такой чуткий и нежный. Как же те люди могли называть себя его друзьями?

— Теперь я буду ходить с тобой.

— Хорошо, договорились.

Шашлычная находилась на приличном расстоянии от галереи — одна на северном втором кольце, другая на восточном третьем.

Из-за вечерних пробок в воскресенье дорога заняла около часа. Но ни один из них не чувствовал раздражения — они так увлечённо болтали, что даже стояние в пробках казалось интересным.

— А?! Так ты учился в старшей школе при Пекинском университете? — удивился Шэнь Цинчуань. — А я в Экспериментальной школе! Мы же учились в соседних кварталах!

Гу Чаоцэ притворно удивился:

— Да, это очень близко. Какая судьба.

Предначертанная судьба.

Шэнь Цинчуань обрадовался ещё больше, это было похоже на встречу родственных душ:

— Ха-ха-ха, если посчитать, то когда я был в первом классе старшей школы, ты был в третьем. Мы ведь могли и видеться!

Гу Чаоцэ слегка улыбнулся:

— Кто знает.

И не просто виделись — он несколько месяцев тайком наблюдал за ним, а в конце концов даже приютил его собаку.

Проснись, лисёнок, рождённый в год Собаки!

<http://bllate.org/book/22092/2297354>